

Специфика культурной политики Японии в условиях глобализации

П. А. МОШНЯГА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Статья посвящена проблеме адаптации японской культурной политики к условиям глобализации. Анализируются три основных направления культурной политики Японии — 1) деятельность по охране культурного наследия, 2) культурное возрождение регионов через культурную индустрию и 3) распространение японской модели корпоративной культуры за рубежом в рамках внешней культурной политики. Выявляются специфические черты японской культурной политики по этим трем направлениям.

Ключевые слова: культурная политика, Япония, глобализация, идентичность, культурное наследие, культурная индустрия, «теория мингэй», «Эпоха культуры», корпоративная культура, группизм.

Specificity of Japanese Cultural Politics Under Conditions of Globalization

P. A. MOSHNIAGA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article covers the problem of adaptation of Japanese cultural politics to the conditions of globalization. The author analyzes three main trends of cultural politics in Japan — 1) cultural heritage protection activities, 2) cultural revival of regions via cultural industry, 3) distribution of Japanese corporate culture model abroad within foreign cultural policy. Specific features of Japanese cultural politics become apparent on the basis of these three trends analysis.

Keywords: cultural policy, Japan, globalization, identity, cultural heritage, cultural industry, «mingei theory», «Epoch of Culture», corporate culture, groupism.

Культурная политика страны представляет собой неотъемлемый компонент ее как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической деятельности. Культурную политику в широком смысле рассматривают как совокупность принципов и норм, а также систему мер и мероприятий по сохранению, возрождению, развитию и распространению культуры посредством различных государственных и общественных институтов. Так, российский теоретик культуры А. Я. Флиер определяет культурную политику «как совокупность идеологических принципов и практических мер, осуществляемых через образование, просветительские, досуговые, научные, религиозные, творческие, издательские, коммуникационные, социально-организационные и иные государственные

и общественные институты по всесторонней углубленной социализации и инкультурации населения» (Флиер, 1997: 141). В узком смысле культурная политика — это деятельность государства в области культуры.

Культурная политика имеет место на пересечении культуры и власти, в пространстве, где гражданское общество встречается с политической властью. Культура, власть и политика не только неразделимы, они являются элементами единого целого, формирующего общества и идентичности (Burns, Novelli, 2006: 13). Культурная политика служит целям поддержки различных пластов культуры общества, формирования отношений власти и культуры, регулирования систем культурного производства (индустрии

* Мошняга Павел Александрович — аспирант Московского гуманитарного университета. Тел. (495) 374-61-81. Эл. адрес: reikon2005@mail.ru

наследия, индустрии досуга и развлечений, индустрии культурного туризма).

Культурная политика любой страны подвержена влиянию как внутренних, так и внешних факторов. В условиях глобализации при формировании и реализации государственной политики в области культуры учитываются не только опыт и традиции культурно-духовной жизни страны, но и принципы международных актов универсального характера (Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Декларация тысячелетия ООН (2000 г.), а также конвенции, декларации, рекомендации по вопросам культуры, культурной политики и международного культурного сотрудничества (Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.), Декларация о международном культурном сотрудничестве (1966 г.), Декларация Мехико (1982 г.), Доклад ЮНЕСКО «Наше культурное разнообразие» (1996 г.), «План действий по политике в области культуры в интересах развития» (1998 г.).

Культура в международно-правовом аспекте определяется как «совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу» (Декларация Мехико, 1984: 7).

В современном глобализирующемся обществе, как отмечают специалисты, усиливается взаимозависимость культуры и политики, актуализирующая вопросы культурной политики и социальной идентичности в контексте стремительно меняющегося мира. «Глобализация не просто воздействует на застывшие местные культуры, а вплетает их в изменяющуюся глобальную ситуацию» (Burns, 2005: 391).

С точки зрения американского философа Ф. Д. Джемисона, глобализация означает не только беспрецедентное взаимопроникновение национальных культур, но также слияние бизнеса и культуры и формирование новой мировой культуры (Глобализация и аф-

ро-азиатский мир, 2007: 123). Против такого вектора развития глобализационных процессов выступает российский философ В. М. Межуев: «Подобная «глобализация» в сфере культуры, вызванная подчинением культуры законам рынка, ведет к подавлению самобытных этнических и национальных культур, обрекает их на забвение и умирание» (Межуев, 2006: 369). С другой стороны, глобализация создает возможности для взаимообогащения культур, зачастую инициируя всплеск этничности. В «Докладе о развитии человека за 2004 год: культурная свобода в современном многообразном мире» отмечается, что «глобализация расширяет контакты между людьми, делает беспрецедентным по масштабу и глубине обмен ценностями, идеями, образом жизни» (Доклад ООН о развитии человека, 2004: 103).

Стремительное распространение средств массовой коммуникации, появление кино, телевидения, интернет-технологий в корне изменили представления о структуре и функциях культуры, а следовательно, и о культурной политике. Как отмечают российские культурологи К. Э. Разлогов, Э. А. Орлова и Е. И. Кузьмин, современная культура характеризуется двумя взаимодополняющими тенденциями — интеграцией, которая ведет, с одной стороны, к формированию глобальной массовой культуры, объединяющей людей независимо от пола, возраста, вероисповедания повсеместно распространяемыми мелодиями и текстами, культурными стереотипами или даже учреждениями, а с другой стороны — диверсификацией, возрастанием многообразия культурных сообществ. В поисках психологической опоры люди обращаются к собственным «корням» — историческим и культурным традициям, образующим «ядро» идентичности того или иного этноса (Разлогов, Орлова, Кузьмин, 2005).

За последние годы концепция культурной политики в отечественной науке претерпела изменения, в частности, дополнилась таким параметром, как «культурная идентичность», сохранение которой в современных условиях зачастую кажется проблематич-

ным. Искусствовед С. Э. Зуев очерчивает рамки культурной политики следующим образом: «С одной стороны, можно говорить, что культурная политика занимается поиском и реинтерпретацией идентичности в современном мире, приспособлением существующих в истории форм, с другой стороны, набор этих идентичностей связан с ограничениями, которые вводятся на экономические, политические и социальные процессы» (Зуев, 2006).

Культурную политику Японии в современных условиях следует рассматривать исходя из того, что «глобализация в Японии не привела к гомогенизации, а развивалась динамически, открывая путь большому разнообразию и многополярности» (Аоки, 2004: 96).

Проблема национальной идентичности всегда стояла перед Японией, поскольку она заимствовала и адаптировала иностранную культуру на протяжении всей своей истории. В Средние века Япония ориентировалась на Китай (традиционная идентичность), затем, начиная с реставрации Мэйдзи, переориентировалась на Запад (инновационная идентичность). Согласно точке зрения социолога С. В. Чугрова, для японского сознания характерно соединение традиционной идентичности и инновационной идентичности. Так, в Японии сложилась двуединая идентичность: внешняя (институциональная) — западная и внутренняя (духовно-нравственная) — дальневосточная (Чугров, 2008: 84). В глобализирующемся мире, где стираются границы между культурами и государствами, японцы вынуждены вновь задумываться о самоидентификации.

Как отмечалось выше, культурная политика государства призвана служить сохранению и поддержке национальной идентичности в условиях глобализирующегося мира. Культурная политика Японии реализуется в трех основных направлениях: 1) сохранение культурного наследия (деятельность Японии в рамках программы ЮНЕСКО «Всемирное наследие»), 2) культурное возрождение регионов (развитие «культурной

индустрии» в кризисных регионах), 3) внешняя культурная политика (формирование благоприятного имиджа Японии на мировой арене, обеспечиваемое, в том числе, распространением корпоративной японской культуры за рубежом).

Деятельность Японии по сохранению культурного наследия представляет собой важнейшую сферу культурной политики страны. В 1972 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО, исследовав проблему сохранения культурных ценностей, пришла к выводу о том, «что культурному и природному наследию человечества все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями» (ЮНЕСКО, 1972: 1). Исходя из того, что повреждение или исчезновение любых образцов мировой культуры или природной среды обедняют достояние народов всего мира и что охрана их на национальном уровне часто бывает недостаточной из-за нехватки экономических, научных и прочих ресурсов, ЮНЕСКО приняла следующее решение: «Все международное сообщество должно участвовать в охране природного и культурного наследия, предоставляя коллективное содействие, которое, не заменяя деятельности заинтересованного государства, на территории которого находится ценность, ее эффективно дополнит» (ЮНЕСКО, 1972: 1). С этой целью в 1972 г. была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, к которой Япония присоединилась только спустя 20 лет, в 1992 г., и за последние годы приложила большие усилия, чтобы реализовать задачи, поставленные Конвенцией. Ее усилия в сфере охраны культурного наследия по достоинству были оценены переизбранием в 2005 г. на пост Генерального директора этой организации дипломата Мацуура Коитиро, посла во Франции.

Япония успешно сочетает работу по охране культурных и природных ценностей внут-

ри страны с их популяризацией в мире, добиваясь включения различных национальных объектов в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и Список объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой. В настоящее время в Японии действует «Закон об охране культурных ценностей», принятый еще в 1950 г. В первой главе этого закона утверждается следующее: «Целью данного закона является сохранение и использование культурных ценностей с тем, чтобы культура японского народа продолжала развиваться и вносить вклад в углубление взаимопонимания между культурами всего мира» (Молодякова, 2006). В соответствии с этим законом была разработана классификация всех культурных ценностей. Положения японского национального закона соответствуют Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, одним из требований которой является надлежащая юридическая и материальная защита объектов культурного наследия на национальном, региональном, муниципальном уровнях.

Для того чтобы быть зарегистрированным как объект всемирного культурного или природного наследия, такой объект должен отвечать главному условию — представлять собой уникальную ценность для всего мира. На территории Японии, по данным на 2006 г., находится 14 объектов всемирного наследия — 10 культурных и 3 природных. Это значительно меньше, чем в Италии (41), в Китае (35) или в России (23), но, учитывая тот факт, что Япония присоединилась к Конвенции только в 1992 г., можно сделать вывод о том, что почти каждый год ей удается вносить в Список всемирного наследия ЮНЕСКО свой культурный или природный объект. Так что международное сообщество признает не только их выдающееся всемирное значение, но и то, что Япония обеспечивает им адекватную защиту и сохранение.

Различия в подходах к сохранению культурных ценностей в Японии и в странах Запада вызвали разногласия среди экспертов по определению объектов всемирного куль-

турного наследия. В частности, речь шла о включении в список ЮНЕСКО буддистского храмового комплекса Хорюдзи. Часть экспертов утверждала, что неоднократные реставрационные работы отрицательно сказались на исторической ценности памятника. Однако японцы при реставрации всегда стараются сохранить каркас здания, а необходимые детали — изготавливать из того же материала, что и раньше, с использованием традиционных приемов строительства. По их мнению, если при реставрации культурных объектов применяется научный подход, учитываются культурные традиции поколений, как архитектурные, так и общие, то историческая и культурная ценность памятников ничуть не умаляется (Молодякова, 2006).

Позиция Японии по определению подлинности объектов культурного наследия в соответствии с Конвенцией получила признание на состоявшейся в 1994 г. в городе Нара (Япония) конференции, посвященной этой проблеме. В соответствии с принятым на ней «Нарским документом о подлинности» впредь при оценке аутентичности, в дополнение к внешней сохранности объекта, необходимо учитывать и такие аспекты, как, например, знание технических методов, традиций, обычаев и ритуалов. В указанном документе японская концепция «значимости неуловимых, непостижимых элементов культурного наследия» получила международное признание. Можно утверждать, что Япония привнесла новые ценности в культурное наследие, обратив внимание международного сообщества на важность «неуловимой культурной ауры» (Нарский документ о подлинности, 1994). Стоит добавить, что этот документ был принят на XII Генеральной Ассамблее ИКОМОСа, прошедшей в 1999 г. в Мехико.

В 1996 г. в качестве объектов всемирного культурного наследия были зарегистрированы памятные руины Атомного дома (Гэмбаку) в мемориальном парке мира в Хиросиме. Здание находилось недалеко от эпицентра взрыва атомной бомбы 6 августа 1945 г. и испытало на себе мощь этого взрыва. Дом Гэм-

баку (наряду с Освенцимом в Польше, который был зарегистрирован в 1979 г.) представляет собой «негативное наследие человечества», а также служит символом надежды на то, что ужасы войны больше не повторятся.

Известный японский писатель Оэ Кэндзабуро упоминает в своих публицистических работах дискуссию вокруг предложения уничтожить развалины Атомного дома: «Мысль о том, чтобы разобрать Атомный дом, долго витала в воздухе. Некоторые считают, что приведение в порядок парка Мира закончилось и пора взяться за дом... на месте развалин разумнее возвести здание, которое будет приносить городу доход. Мир достаточно знает об атомной бомбе, и настало время снести дом, который лишний раз напоминает о мертвых. Люди Земли пока еще не знают, какой ад прошли хиросимцы, как они страдают от лучевой болезни сейчас, спустя девятнадцать лет после взрыва. Сохранение Атомного дома в качестве «негативного наследия человечества» имеет международное значение» (Оэ, 1987: 117). Подобный опыт отношения к культурному наследию, его сохранения и интерпретации как в синхронном, так и диахронном аспекте, заслуживает изучения и использования многими странами.

Последние десять лет Япония активно участвует в различных проектах по сохранению и реставрации объектов культурного наследия, которые находятся в других странах. В частности, японское правительство создало трастовый фонд ЮНЕСКО/Япония для проведения работ по сохранению памятника Ангкор в Камбодже. Японские специалисты совместно с коллегами из других стран провели там ощутимую работу, которая позволила в 2003 г. исключить его из списка объектов, находящихся в опасности.

Таким образом, Япония использует все имеющиеся в ее распоряжении финансовые, материальные, технические и организационные средства для активной деятельности по охране культурного наследия в рамках программы ЮНЕСКО «Всемирное наследие».

Другим важным направлением культурной политики Японии является культурное возрождение регионов. Чаще всего наиболее успешными считаются регионы, где существуют предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности или большие научно-исследовательские центры. Однако в современных условиях, когда подобные предприятия закрываются, экономика той или иной страны или региона переориентируется на культуру и туризм как наиболее перспективные отрасли для бюджета страны.

С 1980-х годов в Японии встала проблема возрождения малых городов и деревень. В большинстве случаев, в связи с реструктуризацией производства, заводы и фабрики либо переводились в другие города, либо ликвидировались, что вело к высокому росту безработицы населения. Как указывает японцев Н. В. Стапран, в сложившейся ситуации в Японии достаточно успешно стала применяться политика перевода экономики того или иного региона на «культурные рельсы» или развития «бунка сангё» — культурной индустрии. Это позволило не только создать значительное число новых рабочих мест, но и привело к появлению новых источников доходов для бюджетов регионов (Стапран, 2005).

Создание культурной индустрии является проявлением глобализационных процессов, что, с одной стороны, поддерживает экономику регионов и создает привлекательный имидж Японии в мире, а с другой, ведет к коммерциализации культуры, т. е. превращает культуру (главным образом, народную) в товар для продажи, способствуя размыванию, преобразованию и уничтожению национальной и культурной идентичности. С. Э. Зув рассматривает культурную индустрию как «сосуществование в одном пространстве и времени различных культур, стилей и способов жизни способствует их превращению в товар на глобальных рынках «образов жизни», подрывая самые основы классических форм идентичности» (Зув, 2005). Он полагает, что проявившийся в по-

следние 10–15 лет интерес к региональной культурной политике, новым формам и способам образования, к самостоятельной культуре не случаен. «Все это институты, позволяющие сохранять и преобразовывать собственную идентичность в условиях глобального культурного рынка» (Зуев, 2005).

Культурная индустрия в Японии проявляется, прежде всего, в переоборудовании прежних производственных площадей под нужды культуры. Например, в префектуре Канадзава большие пустующие площади бывшего кирпичного завода были недорого проданы народным ремесленникам. Именно там были возрождены многие традиционные японские ремесла, в результате чего город Канадзава стал центром японских традиций, что ежегодно привлекает туда значительный приток японских и иностранных туристов.

В контексте идей возрождения народных ремесел следует рассмотреть, так называемую, «теорию мингэй» («теорию народного искусства»), создателем и популяризатором которой считается философ Янаги Соэцу. Содержание данной теории сводится к эстетизации японских народных ремесел, основанной на модернистских идеях остранения, новых направлениях в буддизме, западном мистицизме и ориентализме. Янаги Соэцу выделяет 12 основных критериев красоты:

1) красота ручной работы, 2) красота интимности, 3) красота использования/функционационирования, 4) красота здоровья, 5) красота естественности, 6) красота простоты, 7) красота традиции, 8) красота неровности, 9) красота недороговизны, 10) красота совокупности, 11) красота искренности и честного труда, 12) красота самоотверженности и анонимности (Kikuchi, 2004: 53).

В связи с тем, что движение «мингэй» возникло в эпоху модернизма, некоторые исследователи очерчивают его завершение к концу 1970-х годов, т. е. связывают с концом эпохи модернизма и началом эпохи постмодернизма. Однако, как наглядно демонстрирует культурная политика, которая проводится в регионах в последние годы, «мин-

гэй» становится неотъемлемой частью культурной индустрии. Современный японский ученый Юко Кикичи оценивает феномен «мингэй» следующим образом: «Мингэй» мертв, но термин «мингэй», значение которого преобразовалось в более общий ярлык, обозначающий простой дизайн, ни слишком техничный, ни слишком декоративный, все еще встречается повсеместно в сфере ремесел» (Kikuchi, 2004: 245).

Следует отметить, что как «теория мингэй», так и культурные артефакты, на ней основанные, преподносятся японцами как проявление исконно японской культуры, тем самым они подчеркивали большое значение «мингэй» для сохранения и утверждения своей национальной и культурной идентичности. Однако здесь скорее имеется в виду видоизмененная благодаря процессам модернизации, а затем глобализации, идентичность. Так, Юко Кикичи небезосновательно утверждает, что «несмотря на то, что теория «мингэй» и ассоциируемый с ней стиль именовались «восточной» философией и «японским стилем», как будто они представляли собой открытие «аутентичной» традиции и постмодернистский символ мультикультуризма, они все же являлись, в сущности, современными теорией и стилем дизайна Запада» (Kikuchi, 2004: 243).

Став частью культурной индустрии, продукты в стиле «мингэй» приносят весомый доход в бюджет страны. В современных условиях глобализации народные ремесла и промыслы неизбежно адаптируются к условиям рынка, сочетая в продукте как локальные, так и глобальные черты, т. е. начинает действовать принцип «глокализации». Так, в Японии осуществляется мощная пропаганда уникальности того или иного региона через культурную индустрию, что создает привлекательный имидж страны в мире.

Внешняя культурная политика рассматривается в данном исследовании как третий компонент государственной политики Японии в области культуры. Как отмечалось выше, Япония на протяжении длительного периода времени адаптировала для своих нужд

стандарты западного общества. После окончания Второй мировой войны Япония поставила перед собой задачу преодолеть отчуждение между японской и западной культурами, больше не приспособившись к западной культуре, но активно распространяя в мире свою национальную культуру.

Эти обстоятельства обусловили такие особенности внешнеполитической культурной стратегии Японии за последние десятилетия, как, с одной стороны, полномасштабный выход японской культуры на международную арену, а с другой — усиление контроля властей за деятельностью в сфере культуры, создание новых специализированных учреждений для осуществления этой деятельности, а также увеличение бюджетных ассигнований на международную культурную деятельность.

В 1980 г. Япония провозгласила политическую доктрину под названием «Эпоха культуры», содержание которой сводится к следующим положениям: 1) завершился исторический этап «модернизации», когда руководящая роль в международных делах принадлежала странам Европы и США, 2) европоцентристская эпоха «модернизации» сменилась новой «эпохой культуры», которая будет ознаменована появлением общества, воплощающего в себе японский национальный идеал социальных отношений, принципиально отличный от западного (Катасонова, 1999: 182–183). В указанной доктрине отразились усилия правящих кругов Японии утвердить на международной арене идею культурной идентичности японцев, а также универсальности японских стандартов жизни для всего остального мира.

На некоторые издержки культурной политики Японии за рубежом указывает историк Е. А. Катасонова: «Чрезмерное увлечение государственным регулированием международных культурных контактов нередко приводит к тому, что культурные обмены в основном идут исключительно по межправительственным, а не по межличностным каналам и сводятся в основном к официозным культурным мероприятиям и спонсорству

в распространении в мире японского языка... Только в последние годы в стране началось осознание того, что необходимо построение своего рода «сети» взаимодействия правительственных и неправительственных структур на разных уровнях с целью более эффективной политики в области продвижения за рубеж японской культуры» (Катасонова, 1999: 184).

Японская культура за рубежом в значительной степени представлена ее экономическим компонентом и обеспечивается капиталами японских компаний с их продуманной стратегией. Японские потребительские товары, конструкторские разработки, модели и способы управления предприятиями, методика стимулирования трудовой мотивации и методы государственного регулирования хозяйства все больше становятся продуктами повышенного спроса у иностранцев и весомым резервом культурного экспорта Японии.

Что касается японской модели корпоративной культуры, то нужно сказать, что в японских компаниях господствуют принципы тотального контроля компании над личностью (т. н. «маругакаэ»), полной преданности индивидуума общему делу, обязательства компании перед личностью, проявляющиеся в повышенном внимании к его нуждам и семейным делам.

Стоит отметить, что сплоченность коллектива — черта не только японских компаний, но и западных («командный дух»). Однако японскую группу (т. н. «группизм», или групповая психология) следует отличать от западной команды в рамках анализа корпоративной культуры. Японовед И. А. Тимонина отмечает: «Принципиальным отличием группы от команды является абсолютное подчинение личных интересов интересам группы, следствием чего становится некоторая степень утраты индивидуальности членами группы. В этом аспекте японские корпорации... отличаются не только от Запада, но даже от компаний других азиатских стран, в большей мере перенявших западные концепции управления» (Тимонина, 2006: 120).

В коллективном труде японских социологов «Японские системы. Один из вариантов альтернативной цивилизации» высказывается следующая точка зрения: «Согласно коллективистской интерпретации японской общественной системы, ее члены, безусловно, откликаются на все требования организации и полностью посвящают себя компании, даже если это означает, что нужно принести в жертву интересы свои или своей семьи, тогда как на рабочем месте они стремятся сохранить максимально гармоничные отношения» (Чугров, 2001: 363). Данную точку зрения оспаривает С. В. Чугров, утверждая, что организация труда у японцев в современных условиях все больше опирается на систему бонусов и других видов материального поощрения, но также добавляет, что принципы патерналистской социальной структуры остаются незыблемыми в национальном сознании (Чугров, 2001: 363). Именно эти принципы корпоративной и деловой культуры распространяет Япония за рубежом.

Сильная корпоративная культура, сложившаяся в Японии, имеет и свои недостатки, поскольку недостаточно хорошо адаптируется к глобальным изменениям, на что указывает И. А. Тимонина: «Сейчас же в эпоху перемен, связанных с завершением этапа догоняющего развития и необходимостью приспособиться к быстро меняющимся условиям глобальных рынков, японские корпорации вынуждены корректировать и свою корпоративную культуру, что является едва ли не самой сложной задачей в процессе реформы корпоративного управления» (Тимонина, 2006: 128).

Итак, проанализировав три основных направления культурной политики Японии в условиях глобализации, можно сделать следующие выводы: 1) занимаясь активной и плодотворной деятельностью по охране собственного культурного наследия, Япония обращает внимание мирового сообщества на важность «неуловимой культурной ауры», которую легко утратить в условиях поглощения бизнесом культуры, что является одной из крайностей феномена глобализации, 2) японские власти развивают регионы страны, адапти-

руя традиционную культуру к условиям рынка и законам бизнеса, при этом стремясь сохранить ее, так возникает культурная индустрия, что представляет собой наименее деструктивную для культуры сторону развития глобализационных процессов, 3) та модель корпоративной культуры, которую распространяет Япония за рубежом, эффективно применялась в самой Японии на стадии догоняющего развития, но, ввиду ее группистского и антииндивидуалистического характера, может оказаться тормозом для развития Японии в современных условиях, не говоря уже о том, что такая модель не приживется в ориентированных на индивидуальное начало странах Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аоки, Тамоцу. (2004) Некоторые аспекты глобализации в современной Японии // Многоликая глобализация. Под ред. Бергера П. и Хантингтона С. М. С. 77–97.

Глобализация и афро-азиатский мир (2007) Методология и теория: Реф. Сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Отд. Азии и Африки. М.

Декларация Мехико по политике в области культуры (1984) // Культура: диалог народов мира. ЮНЕСКО. № 3.

Доклад ООН о развитии человека за 2004 год: культурная свобода в современном многообразном мире. URL: http://hdr.undp.org/en/media/hdr04_ru_complete.pdf (дата обращения: 26.05.2009)

Зуев, С. Э. (2005) В начале был текст // Журнал «Отечественные записки». № 4 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1097> (дата обращения: 26.05.2009)

Зуев, С. Э. (2006) Отечественная культурная политика в поисках идентичности // Российское экспертное обозрение. URL: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=2096&ids=157> (дата обращения: 26.05.2009)

Катасонова, Е. А. (1999) Япония: Вызов западной цивилизации? // Япония: Мифы и реальность. М. С. 179–203.

- Межуев, В. М. (2006) *Идея культуры. Очерки по философии культуры*. М.
- Молодякова, Э. В. (2006) *Деятельность Японии в рамках программы ЮНЕСКО «Всемирное наследие»* // Ассоциация японоведов России. Японский опыт для российских реформ. Выпуск второй. URL: <http://www.japanassoc.ru/publikacii/nauka/japon-opyt-2006-2/dejatel-nost-japonii-v-ramkakh-programmy-junesko.html> (дата обращения: 26.05.2009)
- Нарский документ о подлинности (1994) Московское общество охраны архитектурного наследия. URL: http://www.maps-moscow.com/index.php?chapter_id=213&data_id=153&do=view_single (дата обращения: 26.05.2009)
- Оэ, Кэндзабуро (1987) *Обращаюсь к современникам. Художественная публицистика*. М.
- Разлогов, К. Э., Орлова, Э. А., Кузьмин, Е. И. (2005) *Российская культурная политика в контексте глобализации* // Журнал «Отечественные записки». № 4 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1094> (дата обращения: 26.05.2009)
- Стапран, Н. В. (2005) «Бунка сангё» или как культура возрождает регионы // Ассоциация японоведов России. Японский опыт для российских реформ. Выпуск первый. URL: <http://www.japan-assoc.ru/publikacii/nauka/japonskii-opyt-dlja-rossiiskikh-reform-2005-vypusk-per-vyi/bunka-sangjo-ili-kak-kultura-vozhzdaet-regiony.html> (дата обращения: 26.05.2009)
- Тимонина, И. А. (2006) *Корпоративная культура Японии: общее и особенное* // Портрет современного японского общества. С. 111–129.
- Флиер, А. Я. (1997) *Современная культурология: объект, предмет, структура* // Общественные науки и современность. № 2. С. 124–145.
- Чугров, С. В. (2001) *К вопросу о сочетании традиционализма и модернизма в современном японском мышлении* // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна. С. 358–379.
- Чугров, С. В. (2008) *Япония уточняет свою идентичность перед вызовами глобализации: Восток встречается с Западом* // Глобальные вызовы — японский ответ. М. С. 77–93.
- ЮНЕСКО (1972) *Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия*. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 26.05.2009)
- Burns, P. M. (2005) *Social Identities, Globalisation, and the Cultural Politics of Tourism* // Global Tourism. Ed. By W. F. Theobald. Oxford: Elsevier Inc.
- Burns, P. M., Novelli M. (2006) *Tourism and Social Identities: Global Frameworks and Local Realities. Advances in Tourism Research*. Oxford: Elsevier Ltd.
- Kikuchi, Yuko (2004) *Japanese Modernisation and Mingei Theory. Cultural nationalism and Oriental Orientalism*. London, New York.